

Бешеный Пёс Токио

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Влад Эверес!

18+

Влад Эверест
Бешеный Пёс Токио

«Автор»

2026

Эверест В.

Бешеный Пёс Токио / В. Эверест — «Автор», 2026

Семнадцатилетний Рюи Сато ненавидит якудза. Десять лет назад шальная пуля клана отняла у него отца, оставив их с матерью выживать в трущобах Токио. Рюи поклялся никогда не иметь дел с криминалом, но одна школьная драка рушит его планы на нормальную жизнь. Чтобы спасти мать от долговой ямы и позора, Рюи вынужден заключить сделку с дьяволом — старым и могущественным Оябуном клана Гэнда. Теперь он должен служить тем, кого презирает. Но Рюи не намерен быть пешкой в чужой игре. Оказавшись в центре войны за наследство клана, он начинает свою партию. Это история о том, как ради защиты близких приходится сжигать собственную душу. Путь от школьника-изгоя до безжалостного лидера «стаи» отбросов. Добро пожаловать в мир, где честь — это валюта, а цена жизни — горсть пепла.

© Эверест В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тени под неоновым дождем.	5
Глава 2. Ритм чужого сердца.	9
Глава 3. Цена разбитых костяшек.	13
Глава 4. Поводок из шелка и стали.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Влад Эверест

Бешеный Пёс Токио

Глава 1. Тени под неоновым дождем.

Будильник не зазвенел – он захлебнулся. Старый, с трещиной на пластиковом корпусе, он издал жалкий хрип и затих, словно понимая, что в этой квартире громкие звуки – непозволительная роскошь.

Рюи открыл глаза за секунду до этого хрипа. Внутренние часы, отточенные годами недосыпа и жесткого режима, работали лучше любой техники. Семнадцать лет – это возраст, когда ты должен мечтать о девушках и видеоиграх, но Рюи мечтал лишь о том, чтобы крыша не протекала во время очередного тайфуна, а в холодильнике нашлось хотя бы два яйца.

Он сел на футоне, стряхивая с себя липкую духоту токийского лета. Комната была крошечной, всего шесть татами. Стены, когда-то бежевые, теперь приобрели оттенок застарелой тоски, покрывшись сетью мелких трещин, похожих на вены старика.

Рюи повернул голову. За тонкой перегородкой сёдзи, которая больше не закрывалась плотно, спала мать. Эмико.

Он встал бесшумно, как кошка. Ступая по потертому линолеуму, Рюи подошел к ней. Даже во сне, смертельно уставшая, она была красива той хрупкой, почти фарфоровой красотой, которую время и нужда пытались стереть, но никак не могли. Её черные волосы разметались по подушке, а под глазами залегли тени, которые не мог скрыть даже самый дорогой консилер.

На тумбочке рядом лежали ватные диски, испачканные красной помадой и тушью, и пачка сигарет. В комнате пахло дешевым цветочным освежителем, который пытался перебить, но лишь подчеркивал другой запах, въевшийся в волосы матери: запах чужого табака, сладкого алкоголя и мужского пота. Запах «ночной смены».

Рюи сжал кулаки так, что побелели костяшки. Днем она стояла за кассой в круглосуточном магазине, улыбаясь каждому покупателю за минимальную ставку. Ночью она уходила в район красных фонарей, в один из тех клубов, вывески которых горят ядовито-розовым светом. Она никогда не говорила ему, что именно там делает. Он никогда не спрашивал. Это была их молчаливая сделка: ложь во спасение гордости.

Он прошел на кухню – закуток метр на метр. В холодильнике было пусто, как и ожидалось, только одинокая пачка мисо-пасты и вчерашний рис.

– Сойдет, – прошептал Рюи.

Пока грелась вода, он взглянул в окно. Их дом стоял в Адати – районе, который туристические буклеты вежливо обходили стороной. Здесь Токио не был городом будущего. Здесь он был нагромождением серого бетона, ржавых пожарных лестниц и перепутанных проводов, заслоняющих небо.

Рюи быстро съел рис, запил водой. Затем надел школьную форму. Брюки были старыми, купленными в секонд-хенде, но идеально выглаженными. Рубашка сверкала белизной. Мать следила за этим маниакально. «Мы можем быть бедными, Рюи, но мы не должны выглядеть как мусор», – говорила она, отпаривая воротничок утюгом, который помнил еще императора Сёва.

Он взял сумку и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Улица встретила его влажным, тяжелым воздухом. До школы нужно было ехать сорок минут на метро, но сначала – пятнадцать минут пешком до станции. Рюи шел быстрым шагом, не глядя по сторонам. Он знал каждую трещину в асфальте, каждую граффити-метку местных банд.

«Якудза».

Это слово в его голове звучало не как название криминальной структуры, а как проклятие.

Ему было десять, когда отца не стало. Отец не был бандитом, не был героем, он был простым водителем грузовика. В тот вечер он просто вышел купить сигарет. Две группировки делили территорию у патинко-салона. Аргументы закончились, начался свинец. Шальная пуля – дура, не разбирающая чинов и статусов, – нашла его отца.

Рюи помнил не похороны, а то, что было после. Полицейский, который скучным голосом объяснял матери, что «виновные не найдены». Люди в дорогих костюмах, которые пришли через неделю, поклонились и оставили конверт с деньгами. «На утешение», сказали они. Мать тогда швырнула конверт им в след, но ночью, когда думала, что Рюи спит, она подняла его с пола и заплакала. Потому что гордостью сыт не будешь, а аренду платить надо.

С тех пор Рюи ненавидел их. Ненавидел их татуировки, их дорогие машины, их фальшивый кодекс чести. Для него они были паразитами, журущими этот город изнутри.

В школе Рюи был невидимкой. Он сидел на третьей парте у окна, слушал учителей, аккуратно записывал конспекты и получал свои «отлично». У него не было друзей среди одноклассников. Они обсуждали новые модели кроссовок, поездки на Окинаву и айдолов. Рюи думал о том, хватит ли денег на электричество в следующем месяце. Между ними была пропасть, заполненная монетами, которых у него не было.

– Сато-кун, – учитель математики постучал мелом по доске, вырывая Рюи из мыслей. – Реши это уравнение.

Рюи встал, вышел к доске и за минуту расписал решение.

– Верно. Садись.

Он вернулся на место, чувствуя спиной равнодушные взгляды. «Заучка», «нищий», «сын шлюхи» – он знал, что они шепчутся, хотя в лицо никто не смел ничего сказать. Рюи был высоким для своего возраста, жилистым и крепким. В его взгляде было что-то такое – холодное и тяжелое, – что отбивало желание задираться.

Звонок с последнего урока прозвучал как гонг, возвещающий свободу. Рюи первым покинул класс. Настоящая жизнь начиналась только сейчас.

Зал кикбоксинга «Железный кулак» находился в подвале старого здания на окраине района. Здесь пахло потом, дешевой мазью от ушибов, старой кожей и сыростью. Для Рюи это был запах дома. Лучшего дома, чем тот, где он ночевал.

Тренер, старик Танака, бывший профессионал с переломанным носом и ушами-пельменями, лишь кивнул ему, когда Рюи вошел.

– Ты опоздал на две минуты, Сато. Двадцать отжиманий штрафа.

– Осу, – коротко бросил Рюи, бросая сумку в угол.

Он переоделся мгновенно: потертые шорты, простая футболка. Начал разминку. Тело привычно ныло, но это была приятная боль. Боль, которая говорила, что он жив.

– Эй, тормоз! Ты сегодня двигаешься как сонная муха!

Рюи обернулся и невольно улыбнулся. Айко.

Она стояла у ринга, заматывая руки бинтами. Короткие спортивные шорты, топ, открывающий плоский живот с кубиками пресса, и волосы, собранные в тугий конский хвост, который смешно подпрыгивал при каждом движении. Айко была его единственным другом. Единственным человеком, который знал, кто он такой на самом деле.

– Я просто экономлю силы, чтобы надрать тебе задницу в спарринге, – ответил Рюи, падая на пол для штрафных отжиманий.

– Мечтай! – фыркнула она, зубами затягивая узел на бинте.

Айко была дочерью владельца рыбной лавки по соседству. У нее был громкий голос, тяжелый удар правой и абсолютное отсутствие страха. Они пришли в секцию в один день три

года назад. Рюи – чтобы научиться защищать то, что осталось от его семьи. Айко – потому что хотела доказать отцу, что она не просто «девочка на кассе».

– В ринг! – рявкнул Танака.

Рюи надел перчатки, вставил капу. Мир сузился до квадрата канатов.

Бой с Айко всегда был танцем на лезвии. Она была быстрее, легче, техничнее. Он брал силой и выносливостью. Гонг. Айко сразу пошла в атаку. Серия быстрых джебов, лоу-кик. Рюи блокировал, чувствуя, как её голень врезается в его бедро. Удар был жестким. Она не жалела его, и он был благодарен за это. Он ответил двойкой в корпус, заставив её отступить.

– Неплохо, – выдохнула она, кружа вокруг него. – Но открываешь левый бок.

Она нырнула под его руку, провела апперкот. Рюи успел отшатнуться, но перчатка скользнула по подбородку. В голове слегка зазвенело. Злость – холодная, контролируемая – поднялась внутри. Это было то, что ему нужно. В ринге не было бедности. Не было уставшей матери. Не было якудза. Были только дыхание, ритм и противник.

Следующие три минуты были чистым хаосом и гармонией. Удары, уклоны, тяжелое дыхание. Когда прозвучал гонг, они оба стояли, уперев руки в колена, мокрые насквозь.

– Сегодня ничья, – заявил Танака, глядя на них с едва заметным одобрением. – Сато, правая рука ниже челюсти падает. Исправить. Айко, хватит прыгать, ты не балерина.

После тренировки они сидели на бетонных ступеньках у входа в зал, жадно глотая воду из пластиковых бутылок. Вечерний Токио зажигал огни. Где-то вдалеке сияла телебашня, но здесь, в переулке, горел только одинокий фонарь.

– Как мама? – спросила Айко, глядя куда-то в темноту. Она знала. Не всё, но достаточно.

– Работает, – коротко ответил Рюи. – Устает сильно.

– Мой отец сегодня орал на поставщиков, – перевела тему Айко, чувствуя его напряжение. – Говорит, цены на тунца взлетели до небес. Если так пойдет дальше, нам придется закрыться.

– И что тогда?

– Не знаю, – она пожала плечами, и в этом жесте было слишком много взрослой обреченности. – Может, пойду работать официанткой. Или...

– Не говори ерунды, – перебил её Рюи. – Ты поступишь в университет. У тебя спортивная стипендия почти в кармане.

– А ты? – она повернулась к нему. Ее темные глаза смотрели внимательно, почти с жалостью, которую он так ненавидел.

– Я тоже выберусь, – твердо сказал он. – Я вытащу мать из этого болота. Чего бы это ни стоило.

Домой Рюи возвращался уже в темноте. Ноги гудели после тренировки, но это была приятная тяжесть. Он шел через торговый квартал, где жизнь только начинала кипеть.

Внезапно он замер. У входа в бар, мимо которого он проходил каждый день, стоял черный седан. Слишком чистый для этого района. Рядом курили трое мужчин. Дорогие костюмы, расстегнутые вороты рубашек, золотые цепи. И значки на лацканах. Эмблема клана.

Они смеялись. Один из них, молодой, с крашеными светлыми волосами, пнул ногой коробку с мусором, рассыпав содержимое по тротуару. Мимо проходил старик, местный уборщик.

– Эй, дед! – крикнул блондин. – Убери это. Быстро.

Старик засуетился, начал кланяться, извиняясь за то, чего не совершал, и принялся собирать мусор дрожащими руками. Якудза загоготали.

Рюи почувствовал, как внутри него поднимается горячая волна. Та самая, которую он пытался утопить в тренировках. Кровь зашумела в ушах. Он сделал шаг вперед. Рука сама сжалась в кулак. Он знал, как бить. Он знал, куда бить. Один точный удар в челюсть блондину...

– Рюи!

Голос прозвучал как выстрел. Он обернулся. На другой стороне улицы стояла мать. Она уже была одета для «ночной работы»: короткое платье, слишком яркий макияж, высокие каблуки. Она смотрела на него с ужасом. Она видела его сжатый кулак. Видела его взгляд, устремленный на бандитов.

Она покачала головой. Едва заметно. «Нет. Не смей. Ты погубишь нас».

Рюи застыл. Он посмотрел на смеющихся подонков, потом на униженного старика, потом на свою мать, которая выглядела как королева, вынужденная играть роль служанки. Он разжал кулак. Ногти оставили глубокие лунки на ладони.

Отвернувшись, он быстро пошел прочь, чувствуя на спине взгляд блондина.

– Эй, пацан! Проблемы? – донеслось ему вслед.

Рюи не остановился. Он шел, глотая злую слюну. Это не трусость. Это расчет. Он не может умереть сейчас. Не может сесть в тюрьму. Он – единственный шанс своей матери на нормальную жизнь.

Когда он вошел в пустую квартиру, тишина показалась ему оглушительной. На столе лежала записка: «В холодильнике есть онигири. Поешь. Люблю тебя. Мама».

Рюи достал рисовый треугольник, но есть не смог. Он подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Внизу, в лабиринте узких улиц, мерцали огни. Город жил, переваривая человеческие судьбы.

– Якудза... – прошептал он в темноту. – Однажды я стану сильнее вас всех. И я разрушу ваш мир так же, как вы разрушили мой.

Он сел за низкий столик, включил настольную лампу и открыл учебник. До рассвета оставалось шесть часов. У него было время выучить еще одну главу. Знание было его оружием, его кастетом, его пулей. И на этот раз он не промахнется.

Глава 2. Ритм чужого сердца.

Утро в их квартире всегда имело цвет разбавленного молока. Свет с трудом пробивался сквозь мутное стекло окна, падая на пылинки, танцующие в стоячем воздухе. Рюи проснулся за минуту до сигнала, как и всегда. Он лежал неподвижно, слушая тишину. В соседней комнате, за тонкой перегородкой, дыхание матери было тяжелым и прерывистым. Она вернулась два часа назад. Он слышал, как скрипнула половица в прихожей, как звякнули ключи, брошенные на тумбочку с усталостью человека, который больше не может держать в руках даже собственный вес.

Рюи встал, стараясь не скрипеть футоном. Холодная вода из-под крана ударила в лицо, смывая остатки сна, но не смывая серой тяжести реальности. Зеркало над раковиной было покрыто пятнами, и отражение в нем казалось раздробленным. Темные глаза смотрели в ответ без эмоций. Это была маска, которую он надевал каждое утро. Маска «нормального ученика».

На кухне, под колпаком для еды, лежал вчерашний онигири. Рис был холодным, но внутри скрывалась начинка из умэбоси – соленой сливы. Кислый, резкий вкус заставил скулы сжаться. Рюи ел стоя, глядя на пустую улицу вниз. Он пережевывал рис механически, заправляя организм топливом. В его жизни не было места гастрономическим удовольствиям. Еда была лишь средством, чтобы не упасть.

Дорога до школы была привычным маршрутом через серые бетонные коридоры Адати. Он шел, засунув руки в карманы брюк, ткань которых истончилась на швах. Вокруг спешили люди: сарариманы с мертвыми глазами, школьники, уткнувшиеся в смартфоны. Рюи чувствовал себя призраком среди них. Он был здесь, но его мир находился в другой плоскости.

Школа встретила его гулом сотен голосов и запахом воска для пола. Рюи переобулся у шкафчиков. Его сменная обувь – увабаки – была серой от частых стирок, резина на носке начала трескаться. Рядом стояли новенькие, белоснежные кеды его одноклассников, некоторые – дорогих брендов, которые стоили больше, чем его мать зарабатывала за неделю.

Первым уроком была современная литература. Учитель, господин Ито, монотонно бубнил что-то о метафорах в прозе Мураками. Рюи сидел прямо, его ручка скользила по бумаге, оставляя ровные строки иероглифов. Он не просто слушал – он впитывал.

– Сато, – неожиданно обратился к нему учитель. – Что символизирует колодец в этом отрывке?

Класс затих. Рюи медленно поднялся. Он чувствовал спиной взгляды. Взгляды, полные ленивого любопытства и скрытого презрения.

– Колодец – это подсознание героя, сэнсэй, – ровно произнес Рюи. – Место, где он сталкивается со своей внутренней пустотой и изоляцией от внешнего мира. Это не физическое пространство, а ментальная ловушка.

– Блестяще, – Ито поправил очки, явно удивленный. – Садитесь.

Рюи сел.

– Заучка, – донесся шепот с задней парты. Это был Кента, сын владельца сети автосалонов. – Смотрите, он даже учебник обернул в газету, чтобы не испачкать. Денег на обложку нет?

По классу прошел тихий смешок. Рюи не обернулся. Его лицо осталось каменным. Он научился отключать слух, превращать их слова в белый шум. Бедность в Японии – это грех. Если ты беден, значит, ты недостаточно стараешься. Значит, твоя карма испорчена. Они не ненавидели его, нет. Они брезговали им, как брезгуют грязным пятном на идеальной скатерти.

Настоящим испытанием была физкультура. Зал пах резиной и подростковым потом. Сегодня был бег на выносливость. Три километра вокруг школьного стадиона. Солнце палило нещадно, превращая асфальт беговых дорожек в сковородку.

– На старт! Внимание! Марш!

Класс рванул вперед толпой. Кента и его свита вырвались в лидеры на первых ста метрах, пытаясь покрасоваться перед девушками, сидевшими на трибунах. Рюи бежал в середине, держа ровный темп. Его дыхание было ритмичным: вдох – два шага, выдох – два шага.

Через два круга лидеры начали сдуваться. Их лица покраснели, дыхание стало хриплым. Дорогие кроссовки с воздушными подушками не помогали, когда легкие горели огнем.

Рюи прибавил темп. Он не чувствовал усталости. Физическая боль была для него привычным другом, в отличие от душевной тоски. Он обошел одного, второго. Поравнялся с Кентой. Тот хрипел, по лицу тек пот, глаза были вытаращены. Рюи даже не посмотрел на него. Он просто переключил передачу. Его старые кеды ударялись об асфальт с глухим, мощным звуком. Мышцы ног работали как поршни гидравлического пресса.

Он финишировал первым, обогнав ближайшего преследователя – капитана футбольной команды – на полкруга. Рюи остановился, положив руки на затылок, и глубоко вдохнул, восстанавливая пульс. Он даже не особо вспотел.

– Монстр, – выдохнул кто-то из одноклассников, рухнув на траву.

– Да он на чем-то сидит, точно, – прошипел Кента, проходя мимо и намеренно задев плечо Рюи. – Наверное, жрет ту же дрянь, что и его мамаша перед сменой.

Мир на секунду замер. Звуки стадиона исчезли. Остался только стук крови в висках. Рюи медленно повернул голову. Его взгляд был черным и пустым, как дуло пистолета. Кента, увидев этот взгляд, запнулся и побледнел. В этих глазах не было обиды школьника. Там была тьма трупоб, холод подворотен и ярость человека, которому нечего терять.

Рюи ничего не сказал. Он просто смотрел. Три секунды. Пять. Кента отвел взгляд первым, нервно хохотнул и поспешил к раздевалке, бормоча что-то невнятное.

В раздевалке вокруг Рюи образовалась зона отчуждения. Никто не занимал соседние скамейки. Они переодевались, обсуждая новые игры на PlayStation 5 и планы на выходные. Рюи молча снял пропитанную потом футболку, надел школьную рубашку, завязал галстук. Он был здесь чужим. Иностранцем телом. Вирусом, который они пытались игнорировать.

Звонок с последнего урока прозвучал как освобождение. Рюи вышел из школы быстрым шагом, оставляя за спиной этот мир фальшивых улыбок и дорогого пластика.

Путь до зала «Железный кулак» занял сорок минут. Сегодня он не опоздал. Старик Танака сидел за крошечным столом у входа, читая газету через лупу.

– Осу, – поклонился Рюи.

– Осу, Сато. Сегодня вовремя. Иди, разминайся. Твой мешок скучал.

Зал был наполнен звуками: глухие удары по грушам, свист скакалок, резкие выдохи. Этот шум успокаивал лучше любой музыки. Здесь не было богатых и бедных. Здесь были только сильные и слабые. И этот статус нужно было доказывать каждую минуту.

Рюи быстро переоделся и вышел в зал. В центре ринга Айко работала в спарринге. Её соперницей была новенькая – высокая, жилистая девушка с длинными руками.

Рюи на секунду остановился, наблюдая. Айко двигалась великолепно. Она была ниже соперницы, поэтому сокращала дистанцию, ныряла под длинные руки и взрывалась сериями ударов по корпусу.

– Ки-ай! – резкий выкрик Айко сопровождался мощным лоу-киком, который заставил новенькую поморщиться и отступить.

Айко улыбнулась сквозь капу, откинув мокрую челку со лба. Она была в своей стихии.

Рюи подошел к тяжелому мешку в углу зала. Это был старый кожаный снаряд, местами замотанный армированным скотчем. Он был твердым, как камень.

Рюи начал работать. Сначала медленно, разогревая суставы. Джеб, джеб, кросс. Потом быстрее. В голове всплыло лицо Кенты. Его ухмылка. Его слова о матери.

Удар.

Костяшки отозвались приятной болью. Потом всплыл образ вчерашнего вечера. Блондин из якудза. Золотая цепь на шее. Смех, когда старик собирал мусор.

Удар. Удар. Удар с разворота.

Мешок глухо стонал под градом ударов. Рюи не просто бил – он выплескивал яд, накопившийся за день. Каждый удар был ответом. На бедность. На высокомерие одноклассников. На усталые глаза матери. На существование людей, считающих себя хозяевами жизни только потому, что у них есть значок клана на лацкане.

Пот заливал глаза. Майка прилипла к телу. Легкие работали на пределе. Но он не останавливался. Он бил, представляя, что разбивает эту стеклянную стену, отделяющую его от нормальной жизни.

– Эй, полегче! Ты его сейчас порвешь, а Танака-сан заставит платить.

Рюи замер, тяжело дыша. Рядом стояла Айко, уже снявшая шлем. Её лицо покраснелось, глаза блестели азартом. Он опустил руки, чувствуя, как дрожат мышцы. Злость ушла, оставив после себя чистую, звенящую усталость.

– Привет, – выдохнул он, утирая пот предплечьем.

– Ты сегодня злой, – констатировала Айко, протягивая ему свою бутылку с водой. – Даже злее обычного. Что случилось?

Они отошли к скамейкам у открытого окна, в которое врвался прохладный вечерний воздух, смешанный с запахом якитори из соседней лавки. Рюи сделал большой глоток, чувствуя, как вода оживляет пересохшее горло.

– Вчера вечером... – начал он, глядя на свои забинтованные руки. – У бара «Красный дракон». Я видел их. Якудза.

Айко напряглась. Она перестала болтать ногами и серьезно посмотрела на него.

– И?

– Они издевались над уборщиком. Просто так. Ради смеха. Один из них, молодой блондин... он вел себя так, будто этот город принадлежит ему.

Рюи сжал пластиковую бутылку так, что та хрустнула.

– Я хотел вмешаться. Я почти ударил его.

Глаза Айко расширились.

– Ты с ума сошел? Рюи, это самоубийство! Они бы тебя не просто избили, они бы...

– Я знаю, – перебил он жестко. – Мама увидела. Она остановила меня взглядом. И я ушел. Я ушел, как побитая собака, пока они смеялись мне в спину.

Он посмотрел на подругу. В полумраке зала ее лицо казалось очень бледным.

– Я ненавижу их, Айко. Всех до единого. Они как раковая опухоль. Они убили моего отца. Теперь они высасывают жизнь из моей матери. Они превращают наш район в помойку.

– Я знаю, – тихо сказала Айко, отводя взгляд. – Мой отец... на прошлой неделе к нему приходили. Сказали, что «тарифы на безопасность» выросли. Он отдал им почти всю выручку за месяц. Если так пойдет дальше, нам нечем будет платить поставщикам.

Рюи посмотрел на нее с удивлением и новой волной злости.

– Почему ты молчала?

– А что толку? – она горько усмехнулась. – Что мы можем сделать? Мы школьники, Рюи. У нас нет ни денег, ни власти. У нас есть только кулаки, но против пистолетов и клана кулаки не работают.

Рюи посмотрел на ринг, освещенный тусклыми лампами.

– Пока не работают, – медленно произнес он. – Но я стану сильнее. Я буду учиться, я выбьюсь в люди. Я стану прокурором или полицейским, мне плевать кем. Но я найду способ уничтожить их. Законным путем или нет.

Айко долго смотрела на него, потом легонько толкнула плечом.

– Тогда я с тобой. Кто-то же должен прикрывать твою спину, когда ты полезешь на рожон.

Рюи впервые за день улыбнулся. Искренне, хоть и устало.

– Спасибо, Айко.

Домой он шел медленно. Ночной Токио менял маски. Неоновые вывески отражались в лужах, создавая иллюзию праздника. Но Рюи видел изнанку. Он видел пьяных клерков, спящих на скамейках. Видел девушек, раздающих флаеры в сомнительные салоны.

Он прошел мимо того самого места, где вчера стоял черный седан. Сейчас там было пусто. Только мусорный бак стоял на месте, словно немой свидетель его унижения.

Рюи остановился на секунду. Он запомнил лицо того блондина. Каждую черту.

– Жди, – прошептал он в пустоту.

Дорога до дома прошла без происшествий. Город, казалось, взял передышку перед тем, как снова наброситься на своих обитателей. В кармане завибрировал старенький телефон – сообщение от матери: «Буду поздно. Не жди. Дверь на цепочку».

Рюи поднялся по узкой лестнице, вошел в темную квартиру и тщательно запер дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел в тишине. Он был дома. В своей крепости, которая едва держалась под натиском внешнего мира. Но пока он здесь, пока он дышит и может сжимать кулаки – война не проиграна.

Он достал учебники. Завтра будет новый день. Новая битва. И он будет готов.

Глава 3. Цена разбитых костяшек.

Катастрофа началась не с крика, а с тихого, влажного шлепка.

Была большая перемена. Рюи сидел на скамейке во внутреннем дворе школы, вдали от шумных групп, расположившихся на газоне. В руках он держал бэнто – простой пластиковый контейнер, который мать собрала ему утром, вернувшись со своей ночной смены. Там был рис, немного маринованных овощей и кусочек жареной рыбы. Не бог весть что, но она готовила это своими руками, едва держась на ногах от усталости. Для Рюи это была самая ценная еда в мире.

Тень упала на его колени, закрыв солнце.

– Приятного аппетита, нищесброд, – голос Кенты звучал тягуче и сладко, как прокисший сироп.

Рюи не поднял головы. Он просто хотел поесть. Он аккуратно подцепил палочками кусочек рыбы.

– Игнорируешь? – Кента пнул скамейку. Рядом с ним стояли двое его прихлебателей, хихикая в кулаки. – Я слышал, твоя мамаша так старается по ночам, чтобы купить тебе эту рыбу. Интересно, сколько клиентов ей пришлось обслужить за этот хвостик скумбрии?

Рука Рюи с палочками замерла. Воздух вокруг сгустился, стал вязким, как смола.

– Уходи, Кента, – тихо сказал он. Это было последнее предупреждение.

– А то что? – Кента ухмыльнулся и быстрым движением выбил контейнер из рук Рюи.

Пластиковая коробка перевернулась в воздухе. Рис рассыпался по грязному асфальту. Кусочек рыбы, приготовленный с любовью, упал прямо в пыль. Кента, словно ставя печать, с хрустом наступил на еду своим дорогим кроссовком, смешивая рис с грязью.

– Упс. Кажется, теперь это выглядит так же, как твоя жизнь. Мусор к мусору.

В голове Рюи что-то оборвалось. словно лопнула струна, удерживающая зверя в клетке. Не было ни мыслей, ни планов, ни страха перед последствиями. Была только красная пелена.

Рюи встал. Это было не движение человека, это был бросок кобры. Кента даже не успел убрать ухмылку с лица.

Первый удар – прямой правой – пришелся точно в нос. Хруст ломающегося хряща прозвучал громче, чем школьный звонок. Кента отлетел назад, ударившись спиной о стену здания, и сполз вниз, зажимая лицо руками. Кровь брызнула на его белоснежную рубашку ярким, абстрактным узором.

Прихлебатели застыли в ужасе. Рюи повернулся к ним. В его глазах не было ничего человеческого. Это были глаза бездны.

– Кто следующий? – спросил он шепотом, который был страшнее крика.

Они попятились и бросились бежать, вопя о помощи.

Рюи посмотрел на свою руку. Костяшки были сбиты, кожа лопнула. Он перевел взгляд на растоптанный обед. Потом на Кенту, который скулил на земле, размазывая красные сопли по лицу. Рюи не чувствовал удовлетворения. Только холодную, свинцовую тяжесть. Он знал: это конец.

Кабинет директора пах дорогим чаем и лицемерием. Директор, полный мужчина с лоснящимся лицом, смотрел на Рюи как на насекомое, которое по ошибке залетело в стерильную лабораторию.

– Исключение, – произнес он, постукивая золотой ручкой по столу. – Без вариантов, Сато-кун. Ты сломал нос сыну уважаемого члена попечительского совета. Ты понимаешь, что ты наделал? Это уголовное дело. Кента-кун может подать заявление в полицию.

Рюи молчал. Он сидел прямо, глядя в точку на стене.

– Твоя мать... – директор поморщился, словно пробуя слово на вкус. – Мы не смогли ей дозвониться. Но я требую, чтобы она явилась сюда завтра утром. Мы должны оформить документы. И обсудить компенсацию за лечение.

– Компенсацию? – Рюи впервые посмотрел на него.

– Разумеется. Пластическая операция стоит дорого. А у семьи Сато, насколько я знаю, с финансами... туго.

Рюи встал. Стул скрипнул по паркету.

– Я передам ей, – сказал он и вышел, не дожидаясь разрешения.

Он вышел из школы, не заходя в класс за вещами. Пусть подавятся этими учебниками. Солнце все так же ярко светило, птицы пели, мир жил своей жизнью, не заметив, что жизнь Рюи только что рухнула в пропасть.

В зал кикбоксинга он не пошел. Он не мог смотреть в глаза Айко или тренеру. Стыд жег его изнутри. Он подвел их. Он потерял контроль.

Ноги сами принесли его к круглосуточному магазину в соседнем квартале. Сквозь стеклянную витрину он увидел её. Мать стояла за кассой, пробивая кому-то банку пива и онигири. Она улыбалась – той самой профессиональной улыбкой, от которой у Рюи сжималось сердце. Она выглядела такой хрупкой в этой униформе, которая была ей велика.

Когда покупатель ушел, Рюи толкнул дверь. Звякнул колокольчик. Эмико подняла голову, готовясь сказать дежурное «Ирашаймасэ», но улыбка застыла на её лице, превращаясь в тревогу.

– Рюи? Почему ты не в школе? И что... – она вышла из-за стойки, увидев его сбитые в кровь руки. – Боже, что случилось?

Он не выдержал. Он шагнул к ней и уткнулся лбом в её плечо, вдыхая запах дешевого кондиционера для белья и магазинной пыли.

– Прости, – прошептал он. – Прости меня, мам.

Она не стала кричать. Не стала отчитывать. Она просто обняла его, глядя по спине худой, мозолистой рукой.

– Рассказывай.

Они вышли на задний двор магазина, где стояли мусорные баки и ящики из-под тары. Рюи рассказал всё. Про издевательства, про растоптанный обед, про сломанный нос Кенты. Про директора и исключение. Про деньги на лечение, которых у них нет.

Эмико слушала молча, закулив сигарету. Её руки слегка дрожали, но лицо оставалось спокойным. Слишком спокойным. Когда он закончил, она затушила окурок о кирпичную стену.

– Он растоптал еду? – переспросила она тихо.

– Да.

– Тогда он заслужил, – сказала она твердо, глядя сыну в глаза. – Никто не смеет унижать нас, Рюи. Никто.

– Но школа... деньги... – Рюи был растерян.

– Плевать на школу, – она поправила прядь его волос. – Найдем другую. Вечернюю. Или пойдешь работать, а учиться будешь заочно. Ты у меня умный. А к директору я пойду. Завтра же. Я поговорю с ним так, что он забудет слово «компенсация». У меня тоже есть... знакомые.

Она говорила о клиентах из клуба. О людях, которых она презирала, но к которым могла обратиться в крайнем случае. Рюи понял это, и ненависть к самому себе вспыхнула с новой силой. Опять ей придется унижаться ради него.

– Иди домой, сынок, – она поцеловала его в лоб. – Отдохни. Я приду как обычно. Всё будет хорошо. Мы справимся. Мы Сато, мы живучие.

Квартира душила его. Рюи бродил из угла в угол, как загнанный зверь. Тишина звенела в ушах. Он не мог сидеть на месте. Мысли о том, что матери придется просить помощи у каких-то влиятельных подонков, сводили его с ума. Около восьми вечера он не выдержал и вышел

на улицу. Токио погружался в сумерки. Небо было фиолетовым, с рваными краями облаков. Рюи шел без цели, просто чтобы измотать себя ходьбой.

Он забрел в район старых складов, недалеко от реки. Здесь было безлюдно. Фонари горели через один, отбрасывая длинные, кривые тени.

Внезапно тишину разорвал женский вскрик.

– Отстаньте! Пожалуйста!

Рюи замер. Звук доносился из переулка слева. Он не раздумывал. После сегодняшнего дня, после всей этой бессильной ярости, ему нужно было действие. Ему нужно было доказать себе, что он не просто хулиган, сломавший нос мажору. Что он может сделать что-то правильное.

Он свернул в переулок. Картина была классической и отвратительной. Двушка, прижатая к ржавым воротам гаража. Двое парней, гогочущих и хватающих её за руки. Она пыталась отбиться сумкой, но один из них уже дергал за ремешок ее платья.

– Эй! – крикнул Рюи. Голос прозвучал гулко в каменном колодце переулка.

Парни обернулись. На вид им было лет по двадцать. Типичные уличные шакалы – мешковатая одежда, наглые ухмылки, запах дешевого алкоголя.

– Вали отсюда, школьник, пока цел, – сплюнул один из них, тот, что повыше.

Рюи не стал разговаривать. Он просто пошел на них.

– Ты что, глухой? – второй парень достал из кармана что-то блеснувшее. Нож-бабочка.

Он начал неумело крутить его в руке.

Для Рюи, который каждый день спарринговал с чемпионами и бил мешок до кровавых мозолей, их движения были замедленной съемкой. Когда парень с ножом сделал выпад, Рюи просто шагнул в сторону, перехватил запястье и резко выкрутил его. Хруст сустава, вскрик, нож звякнул об асфальт. Рюи добавил удар коленом в живот, и парень сложился пополам, хватая ртом воздух.

Второй, высокий, попытался ударить с размаха. Рюи нырнул под удар, провел апперкот в челюсть и добавил лоу-кик, отсекая ноги. Нападавший рухнул как мешок с картошкой.

Всё заняло от силы десять секунд. Рюи тяжело дышал, но не от усталости, а от адреналина. Он повернулся к девушке. Она дрожала, прижимая к груди порванную сумку. В свете далекого фонаря он увидел ее лицо – большие испуганные глаза, растрепанные светлые волосы, аккуратная школьная форма какой-то элитной гимназии.

– Ты в порядке? – спросил он, стараясь говорить мягко.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

– Они тебя ранили?

– Н-нет... Спасибо... – голос её срывался.

Парни на земле начали шевелиться и стонать.

– Нам лучше уйти, – сказал Рюи. – Где ты живешь? Я провожу.

Она назвала адрес. Это было недалеко, но уже в районе частных особняков, где жили богатые. Граница между их мирами пролегла всего в паре кварталов.

Они шли молча. Девушка все еще всхлипывала, но постепенно успокаивалась. Рюи шел рядом, сканируя пространство. Он чувствовал себя странно – смесь гордости и тревоги.

– Меня зовут Юми, – тихо сказала она, когда они подошли к высокому каменному забору большого дома.

– Рюи.

– Спасибо тебе, Рюи-кун. Если бы не ты...

– Забудь. Просто не ходи там одна.

Они стояли у кованых ворот. Дом за ними выглядел как крепость. В окнах горел теплый свет.

– Я... я хочу отблагодарить тебя, – начала она, роясь в сумке.

– Не нужно, – резко оборвал Рюи. – Иди домой.

В этот момент фары ослепили его. Машина вынырнула из темноты бесшумно, как хищная рыба. Черный минивэн с тонированными стеклами резко затормозил прямо рядом с ними, перекрывая путь к отступлению.

Боковая дверь отъехала с визгом. Из салона вывалились четверо. Среди них был тот самый высокий парень, которого Рюи уложил в переулке. Теперь он держался за челюсть, а в другой руке сжимал бейсбольную битку. Но страшнее были другие трое. Они не были похожи на уличную шпану. Они двигались слаженно, профессионально. На них были черные костюмы.

– Вот этот ублюдок! – прошепелявил высокий, указывая битой на Рюи.

Рюи толкнул Юми к воротам.

– Беги в дом! Быстро!

Она замерла, парализованная страхом.

– Живо! – рявкнул он.

Юми, наконец, очнулась, набрала код на панели ворот и проскользнула внутрь. Рюи остался один. Спина к забору. Перед ним – четверо.

– Смелый малый, – усмехнулся один из людей в костюмах. Это был коренастый мужчина со шрамом через бровь. – Побил наших шестерок. Испортил вечер госпоже. Но теперь игры кончились.

Рюи встал в стойку. Левая рука вперед, подбородок прижат. Он понимал: бежать некуда. Шансов нет. Но он не сдастся без боя.

– Подходите, – выдохнул он.

Первым кинулся парень с битой. Рюи уклонился, но это был обманный маневр. Пока он уходил от биты, коренастый в костюме ударил его ногой в корпус. Удар был профессиональным, тяжелым, как удар кувалдой. Рюи согнулся, воздух вышибло из легких.

Второй в костюме зашел сбоку и ударил в голову. Рюи заблокировал, но сила удара отбросила его на забор. Металлические прутья впились в спину. Он успел ударить кого-то в нос, почувствовал, как кулак врезается в плоть, но тут же получил удар битой по колену.

Нога подогнулась. Он упал на одно колено.

– Держи его!

Двое схватили его за руки, выкручивая их за спину. Рюи дернулся, пытаясь вырваться, но хватка была железной. Коренастый подошел вплотную. Он не спешил. Он надел кастет на правую руку. Металл тускло блеснул в свете фар.

– Ты влез не в своё дело, пацан. И тронул не тех людей.

Рюи поднял голову. Кровь заливала один глаз.

– Пошли вы... – прохрипел он.

Удар кастетом пришелся в скулу. Мир вспыхнул белым, потом красным. Боль была такой острой, что он перестал слышать звуки. Вторым удар – в живот. Рюи закашлялся кровью. Его бросили на асфальт. Он видел только черные ботинки вокруг. И звезды на небе, которые равнодушно смотрели вниз.

– Грузите его, – донесся голос, словно из-под воды. – Босс захочет поговорить.

Последнее, что он помнил – это запах кожи салона автомобиля и мешок, который набросили ему на голову. А потом – темнота. Глубокая, вязкая, беззвездная.

Пи-и-ип. Пи-и-ип. Пи-и-ип.

Звук был назойливым, ритмичным, врезающимся в мозг. Рюи попытался открыть глаза. Веки казались свинцовыми. Свет ударил в зрачки, ослепляя. Все было белым. Слишком белым. Запах антисептика. Хлорки. Лекарств.

Он попытался пошевелиться, и тело взорвалось болью. Каждая мышца, каждая кость кричала. Ребра горели огнем при каждом вдохе. Лицо казалось распухшей маской.

– Очнулся?

Голос был незнакомым. Хриплым, властным. Рюи с трудом сфокусировал зрение. Он лежал на больничной койке. К руке была присоединена капельница. У окна, спиной к свету, сидел человек. Силуэт был размытым, но Рюи разглядел идеально сидящий дорогой костюм и трость с серебряным набалдашником, на которую опирались руки в черных перчатках.

– Кто... вы? – прошептал Рюи, горло саднило, словно он наглотался битого стекла.

Человек встал и подошел к кровати. Это был пожилой мужчина с седыми волосами, зачесанными назад. На его лице была сеть морщин, но глаза – холодные, внимательные – были глазами хищника. На лацкане пиджака блестел значок. Тот самый значок. Золотой хризантемы.

– Я тот, чьих людей ты избил. И тот, чью внучку ты спас, – произнес старик спокойно. – Странная ирония судьбы, не правда ли, Рюи-кун?

Рюи попытался сесть, но сил не было.

– Якудза... – выплюнул он это слово вместе со сгустком крови.

– Верно, – старик чуть улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. – Добро пожаловать в мой мир, мальчик. Боюсь, ты зашел слишком далеко, чтобы просто уйти.

Глава 4. Поводок из шелка и стали.

– Мое имя – Гэндзо Гэнда. Но в определенных кругах меня называют просто Оябун.

Старик произнес это мягко, почти по-отечески, но Рюи почувствовал, как по спине пробежал холод, не имеющий ничего общего с кондиционером палаты. Боль в ребрах пульсировала в такт сердцу, напоминая о каждом ударе, пропущенном вчера.

– Мне плевать, как вас называют, – прохрипел Рюи, пытаюсь приподняться на локтях, но тело предательски задрожало, и он рухнул обратно на жесткую подушку. – Я хочу знать, почему я здесь, а не в морге. Ваши цепные псы обычно не оставляют свидетелей.

Гэнда слегка наклонил голову, изучая юношу, как энтомолог изучает редкого жука.

– Дерзость. Это качество мне нравится, если оно подкреплено силой. Вчера ты показал силу. Ты вырубил двоих моих людей. Да, они были «шакалами», уличным отребьем, которое мы иногда используем для грязной работы. Они напали на мою внучку, Юми. За это они уже наказаны. Весьма... сурово.

Старик сделал паузу, постукивая пальцем в перчатке по набалдашнику трости.

– А вот мои телохранители... они профессионалы. Они увидели парня рядом с госпожой, увидели лежащих людей и сделали вывод. Ошибочный, но логичный. Ты пострадал, защищая мою семью, Рюи-кун. Клан Гэнда всегда платит свои долги.

– Мне не нужны ваши деньги, – выплюнул Рюи. – Я ненавижу всё, что связано с вами. Вы убили моего отца. Не лично вы, но такие же, как вы. Вы паразиты.

Лицо старика не дрогнуло, но воздух в комнате словно стал тяжелее.

– Ненависть – хорошее топливо, мальчик. Но на нем далеко не уедешь, если двигатель сломан. Послушай меня внимательно. Ты сейчас в частной клинике. Лучшей в Токио. Твои переломы обработаны, внутренние органы в порядке. Мы оплатили счет.

– Я верну всё, – перебил Рюи. – До копейки. Я буду работать...

– И сколько лет тебе понадобится? Десять? Двадцать? – Гэнда усмехнулся. – Но есть проблема посерьезнее. Школа. Я навел справки. Тебя исключили за драку с сыном члена попечительского совета. Твоей матери грозят огромные выплаты за «пластику» того мажора. У вас нет этих денег. И никогда не будет.

Рюи молчал. Правда была больнее, чем кастет.

– Я предлагаю сделку, – продолжил старик, поднимаясь со стула. – Мы закрываем вопрос со школой. Заявление будет отозвано, исключение аннулировано. Лечение – за наш счет. Взамен ты просто забываешь о том, что произошло вчера вечером. И о том, кто такая Юми.

– Нет, – твердо сказал Рюи, глядя прямо в холодные глаза старика. – Я не приму помощь от убийц. Пусть исключают. Я найду выход. Но я не буду вам должен.

Гэнда вздохнул, словно разочарованный учитель. Он медленно подошел к двери, остановился и, не оборачиваясь, произнес:

– Клуб «Лунный свет» на Роппонги. Смена с десяти вечера до шести утра. Твоя мать, Эмико-сан, работает там уже три года. Она хороший сотрудник. Клиенты её любят.

Сердце Рюи пропустило удар.

– Откуда вы...

– Я владелец этого клуба, Рюи, – голос старика стал жестким, как сталь. – И десятка других заведений, где она могла бы найти работу. Если ты откажешься от моей «благодарности», я восприму это как оскорбление. А когда клан Гэнда оскорбляют... люди теряют работу. В лучшем случае. Ты готов выбросить мать на улицу ради своей гордости?

Тишина в палате стала оглушительной. Рюи сжал кулаки под одеялом так, что вены вздулись на руках. Он был загнан в угол. Не пистолетом, не ножом, а любовью к матери. Старик знал, куда бить.

– Что я должен сделать? – глухо спросил он.

– Просто выздоравливай. И учись. Мир тесен, Рюи-кун. Возможно, однажды ты вернешь мне этот долг услугой. А пока... считай, что у тебя есть ангел-хранитель с татуировкой дракона на спине.

Гэнда вышел. Дверь закрылась бесшумно. Рюи остался один, чувствуя себя грязным, словно его окунули в бочку с мазутом. Он только что продал душу дьяволу, чтобы спасти маленький мирок своей семьи.

Через десять минут дверь снова приоткрылась. На этот раз в палату проскользнула Юми. Она была уже не в школьной форме, а в простом светлом платье. На лице не было косметики, и она выглядела совсем юной и напуганной.

– Привет, – прошептала она, оглядываясь на коридор.

Рюи отвернулся к окну. Видеть её сейчас было невыносимо. Она была живым напоминанием о его унижении.

– Уходи. Твой дед уже всё сказал.

– Я знаю, – она подошла ближе, но не решилась сесть. – Я слышала. Прости меня. Если бы я не пошла через те склады... если бы я...

– Ты внучка Оябуна, – резко перебил Рюи, поворачиваясь к ней. Его лицо было исполосовано ссадинами, под глазом наливался огромный фиолетовый синяк. – Тебе нечего бояться. У тебя армия головорезов за спиной. Зачем ты вообще поперлась в тот район одна? Адреналина захотелось? Поиграть в обычную жизнь?

Юми вспыхнула. В её глазах мелькнула злость, которая на мгновение сделала её похожей на деда.

– Ты ничего не знаешь обо мне! – выпалила она. – Думаешь, это круто – жить в золотой клетке? Когда каждый твой шаг контролируют? Когда у тебя нет друзей, потому что все боятся твоей фамилии? Я сбежала вчера, потому что хотела просто... просто подышать воздухом без охраны!

Она замолчала, тяжело дыша. Рюи смотрел на неё с удивлением. Он видел перед собой не «принцессу мафии», а такого же одинокого подростка, как и он сам. Только их клетки были сделаны из разных материалов: у него из нужды, у неё из страха.

– Спасибо, что спас меня, – сказала она тише, положив на тумбочку маленький листок бумаги. – Это мой личный номер. Не тот, который прослушивает охрана. Если тебе... если тебе когда-нибудь что-то понадобится. Или просто захочешь поговорить с кем-то, кто тоже ненавидит этот чертов клан.

Она выбежала из палаты прежде, чем он успел ответить. Рюи посмотрел на листок с цифрами. Он хотел смять его и выбросить. Но вместо этого, помедлив, спрятал под подушку.

Выписка прошла быстро. Врач, суетливый и слишком вежливый, дал ему пакет с обезболивающим и мазями.

– Вам невероятно повезло, молодой человек, – тараторил он. – Сильные ушибы, трещина в ребре, сотрясение. Но ничего непоправимого. Вы крепкий. Заживёт как на собаке.

Рюи вышел из клиники через черный ход, где его ждало такси. Оплаченное, разумеется. Он сел в машину, чувствуя себя самозванцем в собственной жизни.

Дома было тихо. Мать еще спала после смены. Рюи прошел в ванную и долго смотрел на себя в зеркало. Лицо было ужасным. Как он объяснит это? Он смыл больничный запах, переделался в домашнее. Когда мать проснулась и вышла на кухню, он сидел спиной к ней, натянув капюшон толстовки.

– Рюи? Ты вернулся? Где ты был всю ночь?! Я звонила, но телефон... – она осеклась, когда он повернулся.

Эмико вскрикнула, прижав ладони ко рту.

– Мам, всё нормально, – быстро сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Просто... небольшая авария. Меня сбил велосипедист. Я упал неудачно.

– Велосипедист?! С таким лицом? Рюи, не ври мне! Это те парни из школы?

– Нет. Правда. Я был в больнице, меня проверили, всё хорошо. Просто ушибы.

Он врал ей в глаза. Впервые по-крупному. И эта ложь жгла язык. Но сказать правду – значило признать, что он знает, где она работает. Что их жизнь теперь зависит от прихоти мафиозного босса. Он не мог разрушить её иллюзию того, что она защищает его. Теперь он защищал её. Молчанием.

– Мы сейчас же идем в полицию, – начала она, хватаясь за телефон.

– Не надо, – Рюи перехватил её руку. Он поморщился от боли в ребрах, но не отпустил. – Мам, послушай. Я разобрался. Всё хорошо. Кстати... нам нужно в школу. Директор звонил мне утром. Сказал, что хочет встретиться.

Эмико посмотрела на него с подозрением, но в его глазах была такая взрослая, пугающая решимость, что она отступила.

– Хорошо. Но если тебе станет хуже...

Поход к директору стал самым сюрреалистичным моментом в жизни Рюи. Он ожидал криков, унижений, требований денег. Эмико шла рядом, бледная, прямая как струна, готовая биться за сына до последнего. Она надела своё лучшее строгое платье, скрыв следы усталости под слоем пудры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.